

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Любовь,
которая принадлежит
не этому миру

Diana Blackmoon

18+

Diana Blackmoon

Черный ангел

«Автор»

2026

Blackmoon D.

Черный ангел / D. Blackmoon — «Автор», 2026

Париж. Город роскоши и безупречного стиля. Здесь живёт Сивилла — талантливый дизайнер, чьи коллекции покоряют мир моды. Но за блеском подиумов и гламурных вечеринок — пустота. Пока в её жизни не появляется Самаэль. Он — загадка. Ни то человек, ни то демон. Его красота опасна, а слова переворачивают все представления о добре и зле. «Чёрный ангел» — это гламурная сказка о Париже, где мода становится магией, а любовь — единственной силой, способной изменить судьбу миров.

© Blackmoon D., 2026

© Автор, 2026

Diana Blackmoon

Черный ангел

Черный Ангел

Diana Blackmoon

Любовь, которая принадлежит не этому миру

Посвящение

Тебе, кто пришёл не для того, чтобы остаться,
А чтобы оставить след, который не сотрёт ни время, ни расстояние,
Ни границы миров.

Эпиграф

«Он шептал слова на языке, которого нет на земле, а моё сердце понимало каждое».

Содержание

Пролог: Сон, который изменит все
Глава 1: Отражение без души
Глава 2: Зов тьмы
Глава 3: Тени прошлого
Глава 4: Ночь звездного огня
Глава 5: Сияние новой жизни
Глава 6: Шепот звезд
Глава 7: Слова древнего мудреца
Глава 8: Венеция — город зеркал
Глава 9: Отель «Золотой лев»
Глава 10: Звездный час
Глава 11: Маска любви
Глава 12: Тень утраты
Глава 13: Вечность в шепоте ткани
Глава 14: Ветер перемен
Глава 15: Новое откровение
Глава 16: Врата вечности
Глава 17: Вечность в сердце Рима
Глава 18: Вечное «сейчас»
Глава 19: Храм радости
Глава 20: Тьма и свобода
Глава 21: Ночь откровений
Глава 22: Свидание с Римом
Глава 23: Возвращение в Париж: новое «я»
Глава 24: Тепло семейного очага
Глава 25: Коллекция мечты
Глава 26: Врата между мирами
Глава 27: Тайны Иного Измерения
Глава 28: Новый друг

- Глава 29: Сон и пробуждение
- Глава 30: Подарок судьбы
- Глава 31: Девичник
- Глава 32: Сон и рассвет
- Глава 33: День, когда сбылась мечта
- Глава 34: Пустота и тепло
- Глава 35: Разговор по душам
- Глава 36: Плен Иного Измерения
- Глава 37: Новые горизонты
- Глава 38: Ложный свет
- Глава 39: Вечер с Адрианом
- Глава 40: Отблеск боли
- Глава 41: Искренность Адриана
- Глава 42: Точка или многоточие?
- Глава 43: Честность и выбор
- Глава 44: Теплый вечер откровений
- Глава 45: Предвкушение
- Глава 46: Перо памяти
- Глава 47: Выбор сердца
- Глава 48: Замок
- Глава 49: Прозрение
- Глава 50: Путь к соединению
- Глава 51: Путь в Лондон
- Глава 52: Огонь соединения
- Глава 53: Равновесие
- Эпилог: Любовь, рожденная до времени

Предисловие

В начале не было ни света, ни тьмы, а лишь безмолвная пустота, что дышала вечностью. Потом родилось противостояние: свет, слепящий и беспощадный, как истина, которую невозможно вынести; тьма, глубокая и манящая, как тайна, что живёт в сердце каждого. Но кто сказал, что одно – это благо, а другое – проклятие? Кто провёл эту грань, если сами звёзды родились из пепла древних сражений, а тени – лишь отражение тех, кто осмелился поднять взгляд к небу?

Реальность, как тонкая вуаль, сотканная из нитей судьбы. Она трепещет на ветру времени, то истончаясь до прозрачности, то становясь непроницаемой стеной. За её пределами иные измерения, где законы мироздания иные, где время течёт вспять, а души помнят то, что ещё не случилось.

Он пришёл из-за края бытия, из мира, где ночь никогда не сменяет день. Черный ангел. Не воплощение зла, а существо, познавшее тяжесть вечности. Его крылья, тёмные, как забытый сон, хранили в себе отблески тысяч галактик. Его глаза видели рождение и гибель миров. Но лишь в её взгляде он нашёл то, чего не могли дать все вселенные вместе взятые: любовь, что не знает границ.

Она... Она была загадкой даже для самой себя. Сны о местах, которых никогда не видела, шёпот голосов из далёкого прошлого, ощущение, будто кто-то ждёт её где-то по ту сторону. В её жилах текла кровь, в которой сплетались нити разных миров, а сердце билось в такт ритму, слышному лишь избранным. Она знала его. Не по встречам, не по словам, а по памяти души, что старше самих звёзд.

Они встретились не в первый раз. До рождения тел, до воплощения в смертных оболочках их пути переплелись в лабиринте вечности. Любовь, что родилась до времени, не подчиняется законам мира. Она обжигает, как адское пламя, и исцеляет, как первый луч рассвета. Она как вызов богам, бунт против судьбы, которая пыталась разлучить их тысячекратно.

Теперь они здесь, на краю пропасти, где реальность трещит по швам, а тьма и свет сплетаются в едином танце. Он пришёл за ней сквозь разрывы миров, сквозь вихри хаоса. И пусть небеса грозят карой, а бездна шепчет о гибели. Они уже сделали выбор. Потому что их любовь сильнее смерти. Сильнее богов. Сильнее самой вселенной.

Пролог: Сон, который изменит всё

Сивилла проснулась с ощущением, что её душа оставалась где-то за пределами реальности. Она не могла вспомнить, где заканчивается её тело и начинается этот мир. Каждое утро начиналось одинаково, но это утро было другим. Всё было другим.

Туман... густой, как чернильная пелена, медленно окутывал Париж, размывая силуэты зданий, улиц, людей. Она шла по мостовой, её шаги эхом отзывались в пустоте, хотя рядом было полно людей. Всё было как в дурном сне: люди шли мимо, не замечая её. Их лица были как пустые маски.

Внезапно улицы начали сгибаться, как страницы старой книги. Дома словно растворялись, становясь чем-то нереальным. Сивилла почувствовала, как мир вокруг неё становится всё более искажённым, как будто она шагала по его краю.

И вот, в этой туманной бескрайности, перед ней появился он.

Он стоял в конце длинного коридора, который, казалось, вытягивался в бесконечность, уходя в чёрную бездну. Его силуэт был неясным, как тень, но что-то в нём заставило её сердце остановиться. Не его лицо, не его тело, а его присутствие. Оно было древним, как сама тьма, и невероятно притягивающим. Он был вне времени. Сивилла не знала, как долго он стоял там, и почему она его не заметила раньше. Это ощущение было знакомым, почти родным.

Он не двигался, но тем не менее она чувствовала его взгляд. Он не смотрел на неё, но она знала, что он видит её. Глубоко. Проникновенно. Он знал её так, как никто не знал, даже она сама.

"Ты не принадлежишь этому миру", - прозвучал голос, словно эхо из самой тьмы. Он был низким, одновременно манящим и пугающим. Его слова не касались ушей, они касались чего-то более глубокого... её самой. Его голос проникал в её тело, в её разум, в самую душу. Он был как шёпот ветра, который затягивает тебя в пустую пропасть, но не позволяет упасть. Он держит тебя, заставляя жить, но не давая дышать.

Сивилла почувствовала, как её ноги словно приклеиваются к земле, как будто она стала частью этого мира, но в то же время совсем чуждой ему. Пульс в её висках стал громче, кровь бурлила, и в этот момент она поняла, что не может отойти. Она не могла не двигаться. Это не было просто ощущением страха. Это было чувство, будто она уткнулась лицом в загадку, от разгадки которой зависела её судьба.

Туман раздвинулся, и она увидела его лицо. Но оно не было человеческим. Это было лицо, которое не поддаётся описанию. Оно менялось, текло, как тень, как нечто, что никогда не существовало в физическом мире, но при этом всё было слишком реальным, чтобы быть выдумкой. В его глазах горел огонь. Огненные кольца, заключённые в бездну, взгляд, который мог бы поглотить мир, а затем отпустить его, оставив только пепел. Его глаза были окнами в место, где не было ни времени, ни пространства.

Он шагнул вперёд. Сивилла не могла повернуться или даже моргнуть. Всё, что она могла – это смотреть. Он был абсолютно неподвижен, но её внимание было приковано к нему, как к магниту. Словно сама вселенная замерла, чтобы наблюдать за этим моментом.

Тишина в мире вокруг неё стала такой тяжёлой, что казалась почти осязаемой. И вдруг его голос снова прорезал эту тишину, будто он знал, что теперь она готова услышать.

"Ты никогда не будешь такой, как раньше", - сказал он. Его слова были не угрозой, а констатацией. "Ты выбрала этот путь ещё до того, как родилась. Но не думай, что ты можешь вернуть всё назад. Твоя душа уже принадлежит мне."

Тогда она увидела его руку – тонкую и длинную, с пальцами, которые казались неспособными касаться мира, но всё равно проникали в него. Он протянул её к ней, и в этот момент весь мир замер.

Её рука, как по наитию, потянулась к его. И когда их пальцы встретились, мир вокруг исчез. Не было ни города, ни людей, ни улиц. Не было ничего. Был только... он. И она. Ощущение, что всё сущее связано их единственным прикосновением.

Когда она проснулась, всё, что осталось – это его глаза. Огненные, непостижимые, словно отголоски древнего заклинания.

Она поняла, что это было не просто сном. Это был зов. Он пришёл к ней. И в его взгляде было нечто, что заставляло её поверить: она уже не может избежать его, как бы ни пыталась. Он был частью её судьбы, и это только начало.

Сивилла открыла глаза. Она была в своей квартире, в своём мире, но всё, что было до этого, казалось несущественным, ничтожным по сравнению с тем, что она только что пережила. Кто он? Что он? Почему её сердце до сих пор билось в унисон с тем странным огнём, что она увидела в его глазах? Но в её душе уже не было сомнений. Он был рядом. И она знала, что встретит его. Очень скоро.

Глава 1. Отражение без души

Телефонный звонок разорвал тишину. Сивилла не сразу подняла трубку. Она стояла у огромного окна своей парижской квартиры на Rue de Rivoli, наблюдая, как последние лучи заката окрашивают Лувр в цвета расплавленного золота.

- Алло, Марк, - её голос звучал равнодушно.

- Сивилла... - в голосе Марка слышалась боль, которую он тщетно пытался скрыть за улыбкой. - Я просто хотел услышать твой голос. Ты опять пропала на неделю.

Она вздохнула, поправив прядь волос. Внизу, на набережной Сены, сновали туристы, смеялись влюблённые пары, а здесь, в её мире, время будто застыло.

- Я работала, Марк. Новая коллекция почти готова.

- Ты всегда работаешь. - В трубке повисла пауза. - Сивилла, я люблю тебя. Уже пять лет. Пять лет я жду, что ты согласишься на меня не как на друга.

Она закрыла глаза, чувствуя, как его слова ударяются о невидимую стену внутри неё.

- Марк, - мягко, но твёрдо сказала она, - я не могу ответить на твои чувства. Я не чувствую любви ни к кому из людей. Это не твоя вина. Просто... я другая.

- Другая? - горько усмехнулся он. - Или пустая?

- Возможно, и то, и другое, - без тени обиды ответила Сивилла. — Прости. Но я должна быть честной.

Она нажала «отбой», не дожидаясь ответа. В зеркале напротив отразилась идеальная картина: безупречный макияж, платье от Chanel, туфли Louboutin на головокружительной шпильке. Красота, отточенная до совершенства. Красота, похожая на красоту фарфоровой куклы: заораживающая, но неживая.

Париж любил Сивиллу так же, как она любила его – холодно и расчётливо. Город огней, роскоши и тайных желаний стал её сценой. У неё было всё: деньги, слава, внимание самых влиятельных мужчин. Но внутри неё зияла пустота, которую не могли заполнить ни бриллианты Cartier, ни комплименты.

Её квартира на первом этаже старинного особняка напоминала музей: антикварная мебель XVIII века, картины импрессионистов на стенах, коллекция современного искусства в отдельном зале. Но Сивилла редко замечала эту роскошь. Её взгляд всегда был направлен сквозь предметы, за пределы реальности.

Она подошла к мольберту, на котором застыл незаконченный холст. Мазки краски, хаотичные на первый взгляд, складывались в образ чего-то древнего, потустороннего – крыльев, сплетённых из тьмы и звёздного света. Сивилла взяла кисть, но рука дрогнула. Что-то манило её, звало из глубин подсознания – иные миры, где законы физики не имели власти, где тени обретали форму, а сны становились явью.

Отец Сивиллы, миллионер и филантроп Антуан де Монфор, воспитывал её как принцессу. После смерти матери, когда Сивилле было всего шесть лет, он окружил дочь непроницаемой стеной роскоши и опеки. Лучшие учителя, частные самолёты, виллы на Лазурном берегу – но никогда не было настоящих друзей, настоящей жизни за пределами золотой клетки.

«Мир опасен, - повторял он, глядя её по голове. - Но я защищу тебя. Ты будешь счастлива, моя звезда».

Он дарил ей бриллианты вместо объятий, устраивал балы вместо разговоров по душам. И Сивилла научилась улыбаться на камеру, очаровывать гостей, блистать на подиумах – но не чувствовать. Её красота была безупречной, но холодной, как мрамор статуи в саду их особняка под Ниццей.

В тот вечер, стоя у окна и глядя на огни Парижа, Сивилла впервые отчётливо осознала: она не просто не чувствует любви. Она не принадлежит этому миру. Её душа тянулась к чему-то иному, древнему, запретному. К тому, что скрывалось за гранью реальности – там, где тьма и свет сливались в едином танце.

И в этот момент где-то глубоко внутри неё что-то дрогнуло. Будто далёкий зов, шёпот на незнакомом языке, обещание встречи с тем, кто знал её до рождения.

Сивилла подняла голову, и в отражении стекла на мгновение увидела не себя, а силуэт с огромными тёмными крыльями. Он смотрел на неё с высоты ночного неба, и в его глазах горела вечность.

Она резко обернулась... за спиной никого не было.

Глава 2. Зов тьмы

Сивилла проснулась от кошмара – того же, что преследовал её с детства. Она стояла на краю бездны, а внизу, в клубящейся тьме, мерцали тысячи глаз. Кто-то звал её по имени голосом, от которого замирало сердце. Не угрожающе, а... тоскливо. Протяжно. Как будто это существо потеряло её и отчаянно искало.

Она села в постели, тяжело дыша. Шелковые простыни были влажными от пота, несмотря на прохладный воздух спальни. За окном парижской квартиры занимался рассвет – бледно-розовый, почти нереальный. Сивилла провела рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна, но ощущение присутствия не исчезало. Кто-то наблюдал за ней. Не из комнаты. Из иного мира.

День начался как обычно: завтрак на террасе с видом на Сену – кофе Lavazza и круассан из любимой пекарни на Rue Saint-Honoré. Личный стилист уже ждал с эскизами новых образов для фотосессии. Но Сивилла едва замечала их. Её взгляд то и дело возвращался к окну, к линии горизонта, где небо сливалось с крышами домов.

- Мадемуазель де Монфор, вы сегодня рассеянны, — осторожно заметил стилист, Жером.
- Вас что-то беспокоит?

- Просто не выспалась, - улыбнулась она, но улыбка вышла механической, отрепетированной. - Покажи мне тот чёрный ансамбль с серебряной вышивкой. Хочу что-то... мрачное.

Жером удивлённо приподнял бровь, но послушно развернул ткань. Чёрный бархат, холодный и тяжёлый, словно впитавший в себя тени. Когда Сивилла приложила его к себе

перед зеркалом, по коже пробежали мурашки – не от холода, а от странного узнавания. Будто она уже носила это. Давно. Где-то ещё.

После фотосессии Сивилла отправилась в галерею своего отца – ту самую, где хранилась коллекция редких артефактов со всего мира. Антуан де Монфор собирал их всю жизнь: древние маски из Африки, тибетские мандалы, египетские амулеты с потускневшими иероглифами. Отец редко пускал её сюда: «слишком хрупко, слишком ценно», но сегодня Сивилла должна была прийти.

Охранник у входа кивнул ей, привычно пропуская. В залах галереи царил полумрак, лишь точечные светильники подчёркивали контуры экспонатов. Сивилла шла мимо витрин, но её тянуло к дальнему углу, к стеллажу с неприметными предметами. Там, под стеклом, лежал камень – чёрный, идеально гладкий, с трещиной, напоминавшей крыло.

Она замерла. Камень звал её. Не словами, а вибрацией, проникающей в кости. Сивилла протянула руку, почти коснулась стекла...

- Не трогай.

Голос за спиной заставил её вздрогнуть. Она обернулась – в дверях стоял незнакомец. Высокий, с тёмными волосами до плеч и глазами цвета грозового неба. Его одежда была простой – чёрная рубашка и джинсы, но в ней чувствовалась странная, почти хищная грация.

- Кто вы? - Сивилла отступила на шаг, но взгляд не отвела.

- Тот, кто знает, что этот камень не просто реликвия, - он подошёл ближе, не отрывая от неё взгляда. - Он – дверь. И ты, Сивилла, единственная, кто может её открыть.

Её сердце замерло. Он знал её имя. И говорил так, будто они встречались раньше.

- Вы ошибаетесь, - холодно произнесла она. - Я не понимаю, о чём вы.

Незнакомец усмехнулся с какой-то горькой нежностью.

- Конечно, не понимаешь. Пока не понимаешь. Но скоро вспомнишь.

Он сделал шаг вперёд, и в этот момент камень за стеклом вспыхнул тусклым багровым светом, на мгновение осветив его лицо. В тени ресниц Сивилла уловила отблеск чего-то нечеловеческого.

- Ты видишь, - прошептал он, и его голос звучал теперь внутри её головы. - Ты уже начинаешь вспоминать.

Сивилла отшатнулась, хватая ртом воздух. Страх и странное, невыносимое узнавание сплелись в груди.

- Уходите, - её голос дрожал. - Или я позову охрану.

Незнакомец отступил, но улыбка не исчезла.

- Я вернусь, - сказал он. - Когда ты будешь готова. А ты будешь, Сивилла. Потому что зов тьмы сильнее, чем ты думаешь. Сильнее, чем всё, что ты знала до сих пор.

Он развернулся и вышел, бесшумно, как тень. Сивилла бросилась к двери, но в коридоре уже никого не было. Только камень в витрине медленно угасал, оставляя после себя лишь холодную черноту.

Вечером, сидя у камина в своей спальне, Сивилла листала старый альбом с детскими фотографиями. Отец, она, редкие снимки матери – бледная женщина с такими же, как у неё, глазами цвета сумерек. На последней странице, между двумя снимками, лежал засушенный тёмно-фиолетовый цветок, с лепестками, похожими на крылья бабочки.

Она не помнила, чтобы клала его сюда.

Но стоило ей коснуться лепестков, как в голове вспыхнули образы: бескрайняя ночь, усыпанная незнакомыми созвездиями; руки, обнимающие её со спины — сильные, с чуть удлинёнными пальцами; шёпот на языке, которого она не знала, но понимала: «Моя звезда. Наконец-то я нашёл тебя».

Сивилла захлопнула альбом, задыхаясь. Всё вокруг – роскошь, слава, безупречная жизнь – вдруг показалось картонной декорацией. А за ней, совсем близко, дышала настоящая реальность. Та, где тьма имела голос. И этот голос звал её по имени.

И впервые за долгие годы Сивилла де Монфор почувствовала не пустоту.

А страх...

И вместе с ним – странное, обжигающее ожидание.

Глава 3. Тени прошлого.

Сивилла не спала всю ночь. Образы из видения кружились в голове, как осколки разбитого зеркала: незнакомые созвездия, шёпот на чужом языке, ощущение чьих-то рук за спиной. Она металась между желанием выбросить всё из головы, ведь «это просто стресс, переутомление». И жгучим осознанием: что-то изменилось. Мир больше не был прежним.

Утром она отказалась от завтрака, отменила встречу с редактором Vogue и попросила водителя отвезти её в старый квартал Le Marais. Ей нужно было движение, шум улиц, запах кофе из уличных кафе. Что-то реальное, земное, чтобы заглушить этот странный зов, пульсирующий где-то в глубине души.

Узкие мощёные улочки Le Marais дышали историей. Сивилла шла, не разбирая дороги, мимо бутиков винтажной одежды, антикварных лавок, граффити на стенах. Её каблук стучали по камню, будто отсчитывая секунды до чего-то неизбежного.

Она остановилась перед витриной маленького книжного магазина. На стекле висела вывеска: «Книги о забытых мирах. Карты иных измерений. Рукописи, которые не должны были уцелеть». Сивилла замерла. Это было нелепо, абсурдно... но её тянуло внутрь, как магнитом.

Внутри пахло старой бумагой, воском и чем-то ещё терпким, почти животным. Полки уходили под самый потолок, а за прилавком сидел седой старик с глазами, похожими на два тёмных озера.

- Вы искали меня, - сказал он, не поднимая головы от книги.

Сивилла вздрогнула:

- Я... не искала. Просто зашла.

Старик наконец поднял взгляд. В его зрачках мелькнуло что-то древнее, нечеловеческое.

- Ты искала ответы. И они здесь.

Он провёл рукой над прилавком, и перед ней легла книга – потрёпанная, с кожаным переплётом, на котором вытиснены символы, напоминающие крылья и звёзды.

- «Хроники Сумеречных Врат». Это написано на забытом языке. Но ты сможешь его прочесть.

- Почему я? — прошептала Сивилла, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

- Потому что ты не просто человек, дитя.

Она купила книгу, не задумываясь. В машине по дороге домой Сивилла открыла её на первой странице. Буквы поплыли перед глазами, но затем... сложились в понятные слова. Язык, которого она никогда не учила, вдруг стал родным, как её собственное дыхание.

«Когда миры соприкасаются, рождаются те, кто может ходить меж ними. Их зовут Хранителями Порогов. Их кровь – это ключ. Их душа – мост.»

Сивилла захлопнула книгу, но строчки продолжали гореть перед глазами. Хранитель Порогов. Это слово отозвалось в ней эхом забытых клятв и древних обещаний.

В тот же вечер, разбирая старые вещи в кабинете отца, она нашла то, что, казалось, ждало её все эти годы: шкатулку из чёрного дерева с той же эмблемой крыльев и звёзд. Внутри лежал серебряный медальон, в форме полумесяца с вкраплениями тёмного камня, похожего на тот, что она видела в галерее.

Стоило ей коснуться его, как в голове вспыхнул тот самый голос из сна:

«Моя звезда. Наконец-то я нашёл тебя».

- Папа, - Сивилла вошла в кабинет Антуана де Монфора без стука. Он сидел за столом, просматривая документы, но при виде дочери тут же отложил бумаги.

- Сивилла? Что-то случилось? Ты бледна.

- Расскажи мне о моей матери, - она поставила шкатулку перед ним. - И не говори, что она просто умерла. Я знаю, что это не так.

Антуан побледнел. Его рука дрогнула, сжимая ручку.

- Зачем ворошить прошлое? - тихо спросил он.

- Потому что оно пришло за мной. - Сивилла раскрыла шкатулку.

- Кем она была? И почему я вижу вещи, которых не должно существовать?

Отец долго молчал, глядя на медальон, будто решаясь на что-то. Затем тяжело вздохнул:

- Твоя мать... не была обычной женщиной. Она пришла из-за пределов. Из места, где свет и тьма – не противоположности, а две стороны одной монеты. Мы полюбили друг друга, но её мир не отпускал. В день твоего рождения она исчезла. А ты... ты унаследовала её дар. Или проклятие.

- Какой дар? - Сивилла почувствовала, как земля уходит из-под ног.

- Способность видеть сквозь. Открывать двери. Быть мостом между мирами. - Антуан встал, подошёл к окну. - Я пытался защитить тебя, оградить от этого. Но, видимо, время пришло.

Ночью Сивилла надела медальон. Металл был тёплым, почти живым. Она встала перед зеркалом, глядя на своё отражение: бледное лицо, глаза, в которых теперь мерцал странный, неземной свет.

И тогда зеркало дрогнуло. Поверхность пошла рябью, как вода, а за спиной Сивиллы возник силуэт... высокий, с тёмными крыльями, сложенными за спиной. Он протянул руку, и она, не раздумывая, коснулась его ладони.

В этот момент мир замер.

Париж исчез.

Вокруг раскинулась бесконечная ночь, усыпанная незнакомыми созвездиями. Сивилла стояла на краю пропасти, а перед ней, наконец, полностью проявился он – тот незнакомец из галереи. Но теперь она узнала его.

- Помнишь? - его голос звучал, как далёкий гром. - Ты обещала вернуться. И вот ты здесь.

Сивилла открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Потому что в глубине души она действительно помнила. Помнила всё.

И это воспоминание было одновременно прекраснее всего, что она знала, — и страшнее любого кошмара.

Глава 4. Ночь звёздного огня.

Сивилла открыла рот, чтобы ответить, но незнакомец сделал шаг вперёд и приложил палец к её губам.

- Не нужно слов, - его голос звучал, как далёкий гром, но в нём слышалась нежность. - Теперь ты помнишь. И этого достаточно.

Он протянул руку. В свете незнакомых созвездий его кожа отливала серебром, а на запястьях мерцали тонкие узоры, похожие на древние руны. Сивилла вложила свою ладонь в его... и мир вокруг задрожал, переливаясь новыми красками.

В мгновение ока бесконечная ночь сменилась роскошной спальней её парижской квартиры. Но теперь всё выглядело иначе: стены, украшенные гобеленами XVIII века, мерцали едва заметным звёздным светом; тяжёлые бархатные шторы цвета ночного неба колыхались от невидимого ветра; а кровать под балдахином из чёрного шёлка казалась островком в океане тьмы и света.

Они оказались на балконе с видом на ночной Париж, сверкающий огнями, как россыпь драгоценных камней. Самаэль – так он представился, открыл бутылку шампанского с лёгким хлопком.

- За вечную встречу, - поднял он бокал. - За то, что мы наконец нашли друг друга после всех жизней, всех поисков.

- За нас, - улыбнулась Сивилла, и пузырьки шампанского защекотали нос, вызывая смех.

- Знаешь, - она прищурилась, глядя на огни города, - я всегда думала, что Париж прекрасен. Но сейчас он кажется... неполным без тебя рядом.

- О, - Самаэль театрально схватился за сердце. - Вы только посмотрите, парижская льдинка умеет шутить!

Она рассмеялась, искренне, звонко, так, как не смеялась никогда прежде. И в этом смехе было столько жизни, столько радости, что Самаэль замер, любуясь ею.

- Ты смеёшься, как ребёнок, впервые увидевший снег, - прошептал он.

- Потому что я впервые чувствую себя живой, - призналась Сивилла.

Вернувшись в спальню, Сивилла крутанулась на месте, раскинув руки, словно ребёнок, притворяющийся бабочкой.

- Я хочу танцевать! - воскликнула она.

Самаэль рассмеялся и притянул её к себе.

- Тогда танцуй. Со мной.

Нежная мелодия, казалось, родилась из самого воздуха – то ли ветер напевал её, то ли звёзды подсказали. Они кружились по комнате, и тени отбрасывали причудливые узоры на стены. Сивилла была в потрясающем белье: тончайший чёрный шёлк с серебряной вышивкой, полупрозрачные чулки с кружевной резинкой, изящные подвязки. Кружева таяли под его прикосновениями, словно утренний туман.

- Ты прекрасна, - прошептал Самаэль, останавливая танец. - Совершенство во плоти.

Его пальцы скользнули по её плечу, вдоль руки, к запястью. Кожа Сивиллы светилась едва заметным перламутровым сиянием, подчёркивая безупречные линии: плавные изгибы бёдер, тонкую талию, линию шеи, которая казалась особенно изящной в мягком свете свечей.

Самаэль медленно расстегнул крошечные крючки на её корсете. Каждый щелчок звучал как отдельная нота в этой симфонии страсти. Кружева упали, обнажая кожу, которая теперь светилась ещё ярче.

- Ты сияешь, - поражённо выдохнул он.

- Наверное, это ты на меня так действуешь, - улыбнулась Сивилла и потянула его рубашку из брюк.

Их губы встретились – сначала легко, игриво, потом всё более глубоко и страстно. Самаэль поднял её на руки и отнёс к кровати. Балдахин из чёрного шёлка окутал их, словно шатёр из ночи и звёзд.

- Наконец-то, - прошептал он ей на ухо. - После всех жизней, всех поисков...

- Да, - выдохнула она. - Наконец-то.

Их любовь была не просто физическим соединением – это было слияние душ, которые вечность искали друг друга.

Свечи вспыхнули ярче, отбрасывая на стены причудливые тени. Воздух наполнился ароматом жасмина и чего-то ещё – терпкого, дикого, нездешнего. Кристаллы на каминной полке зазвенели, издавая едва слышную мелодию – не земную, а звёздную, древнюю, как само время.

Сивилла закрыла глаза — и увидела всё: их прошлые жизни: в древнем Вавилоне, где она была жрицей, а он — воином; встречу под сакурой в средневековой Японии; клятву, данную под багровым небом на краю мира.

Она помнила.

А Самаэль шептал ей на ухо слова на языке, которого не существовало в её мире, но который она понимала:

«Моя звезда...»

«Наконец-то ты со мной...»

«Я никогда не отпущу тебя...»

Их дыхание слилось, сердца забились в унисон, а тени вокруг танцевали, празднуя это соединение. Время потеряло смысл — были только они, вечность и любовь, которая преодолела все границы.

Сивилла проснулась от мягкого утреннего света, пробивающегося сквозь щели в шторах.

Она лежала в постели, укутанная в шелковые простыни цвета слоновой кости. Тело было лёгким, живым, наполненным такой полнотой ощущений, какой она не знала никогда прежде. Кожа ещё хранила тепло его прикосновений, а губы – вкус его поцелуев.

Но он исчез.

Ни следов на подушках, ни запаха в воздухе. Только слабый отблеск чего-то на прикроватном столике: чёрное пёрышко с серебристой каймой. Сивилла подняла его, сжимая в ладони. Оно было настоящим.

- Это был не сон, - прошептала она.

На запястье, там, где он держал её прошлой ночью, остался тонкий узор – не ожог, а скорее отпечаток созвездия, едва заметный, но чёткий.

Сивилла поднялась, подошла к зеркалу. Её отражение изменилось: глаза больше не казались холодными, в них горел внутренний огонь. Кожа светилась здоровьем, а волосы, обычно идеально уложенные, сейчас были растрёпаны по-настоящему, без всякой стилистической задумки.

«Самый лучший сон в моей жизни», - подумала она с улыбкой. И тут же поправилась: «Нет, это было реально».

Она была жива.

И он вернётся.

Потому что теперь она знала: их связь — не случайность. Это судьба.

Это начало.

Глава 5. Сияние новой жизни.

Сивилла никогда ещё не чувствовала себя такой... живой. Каждое утро начиналось с улыбки – не отрепетированной, не для камеры, а искренней, от которой внутри становилось тепло. Мир вокруг заиграл новыми красками: розовый рассвет над Сеной казался волшебным, аромат свежее испечённого круассана – божественным, а даже шум парижских улиц звучал как симфония.

Сегодня был особенный вечер – открытие новой галереи современного искусства, событие, которое не пропускала ни одна светская львица Парижа. Но в этот раз Сивилла шла туда не по обязанности, а с предвкушением. Она хотела быть здесь.

Галерея на Rue de Grenelle сияла огнями. Гости в нарядах от ведущих домов моды стекались ко входу, сверкая бриллиантами и улыбками. Но когда появилась Сивилла, разговоры стихли на мгновение.

Она выбрала платье от Givenchy – струящийся шёлк цвета расплавленного золота, облегающий фигуру, но оставляющий плечи и спину открытыми. Волосы уложены свободными волнами, макияж лёгкий, подчёркивающий естественное сияние кожи. И глаза... В них теперь горел внутренний огонь, который невозможно было скрыть.

- Сивилла! - к ней бросилась Изабель, светская обозревательница Vogue. - Ты просто сияешь! Что с тобой случилось? Ты выглядишь... другой.

- Я и чувствую себя другой, - улыбнулась Сивилла, и её смех прозвучал легко и свободно.

Вокруг неё сразу образовалась толпа. Все хотели поговорить, прикоснуться, поймать отблеск её нового настроения.

- Ты стала ещё прекраснее, - шепнула ей на ухо Софи, дизайнер украшений. - В тебе появилось что-то... мистическое.

- Это любовь, - подмигнул Пьер, модный фотограф. - Или я не прав?

Сивилла лишь загадочно улыбнулась. Любовь. Да, это было похоже на правду.

Марк увидел её издали. Он стоял у бара с бокалом шампанского. Когда она вошла, у него перехватило дыхание.

Он любил её много лет... безответно, терпеливо, с тихой грустью в сердце. И сейчас, глядя на неё, он почувствовал укол боли... и одновременно радость.

Сивилла действительно изменилась. Исчезла холодность, отстранённость, эта вечная маска безупречности. Теперь она смеялась искренне, танцевала без оглядки на камеры, смотрела на мир широко раскрытыми глазами – глазами человека, который впервые увидел краски жизни.

Марк подошёл к ней, когда она остановилась у картины молодого художника – абстрактного полотна в золотых и чёрных тонах.

- Ты прекрасна, - тихо сказал он. - Ещё прекраснее, чем всегда.

Сивилла повернулась к нему, и в её улыбке было столько тепла, что у Марка защемило сердце.

- Спасибо, Марк, - она коснулась его руки. - Ты всегда был рядом. И я ценю это больше, чем ты думаешь.

- Я просто счастлив видеть тебя такой, - искренне ответил он. - Такой живой. Ты словно светишься изнутри.

На мгновение ему показалось, что в её глазах мелькнуло что-то ещё – тайна, которую она не могла или не хотела раскрыть. Но она улыбнулась и сказала:

- Спасибо, что ты мой друг. Это много для меня значит.

Полночь. Сивилла вышла на улицу, вдохнув полной грудью прохладный парижский воздух. Толпа внутри продолжала веселиться, но ей вдруг захотелось тишины... тишины и звёздного неба.

Она отошла от входа галереи, остановилась у кованой ограды, за которой раскинулся небольшой сад. Париж мерцал огнями, Эйфелева башня переливалась огнями в отдалении, а над головой раскинулось тёмное небо, усыпанное звёздами.

Сивилла подняла голову, вглядываясь в созвездия. Где-то там, среди них, был он... Самаэль. Её чёрный ангел.

«Самаэль, - мысленно позвала она. - Увижу ли я тебя вновь?»

Ветер шевельнул её волосы, донёс шёпот далёких огней. И на мгновение ей показалось, что она чувствует его присутствие – как тогда, на краю пропасти между мирами.

- Он вернётся, - прошептала она, сжимая в кармане чёрное пёрышко с серебристой каймой. Он обещал.

Глава 6. Шёпот звёзд.

Сивилла больше не могла просто жить, она творила. Вдохновение, которое пробудилось в ней после той ночи, бурлило, переливалось через край, требовало выхода. Впервые в жизни она не просто выполняла работу модельера – она изливала душу в каждом стежке, в каждой складке ткани, в каждом блеске камней.

Её новая коллекция рождалась как откровение.

Мастерская на верхнем этаже парижской квартиры превратилась в святилище творчества. Повсюду разложены эскизы – сотни набросков, где линии крыльев переплетаются с очертаниями созвездий, где силуэты платьев повторяют формы древних символов.

На манекенах оживали образы: платье из чёрного бархата, расшитое серебряными нитями так, что при движении оно мерцало, словно ночное небо; жакет с рукавами-крыльями, где каждый слой шифона был окрашен в оттенки сумерек: от фиолетового до глубокого синего; юбка-пачка из полупрозрачного газа, усыпанная крошечными кристаллами, имитирующими звёздную пыль; корсет с вышивкой, повторяющей карту неведомых созвездий – те самые, что она видела в мире Самаэля.

Ткань словно оживала под её руками. Шёлк ложился волнами, бархат впитывал свет, кружева сплетались в узоры, напоминающие древние руны. Сивилла работала ночи напролёт, забывая о еде и сне. Она создавала не одежду – она создавала порталы в иной мир, запечатлённые в материи.

- Это не просто коллекция, - прошептала она, стоя перед зеркалом в мастерской. На ней было пробное платье: чёрный атлас с серебряной вышивкой вдоль линии плеч, напоминающей размах крыльев. - Это послание. Признание в любви. Молитва о встрече.

Каждый элемент коллекции нёс в себе частицу её переживаний: асимметричные линии, как отражение неустойчивости границы между мирами; игра света и тени, как символ двойственности природы Самаэля; прозрачные вставки в плотных тканях – намёк на то, что за обыденностью скрывается магия; застёжки в виде полумесяцев и звёзд, как прямые отсылки к их встрече.

Даже цветовая палитра была продумана до мелочей: глубокий чёрный – цвет его крыльев; серебристый – отблеск звёздного света; фиолетовый – оттенок сумерек между мирами; золотой – проблеск надежды.

Новости о новой коллекции разлетелись мгновенно.

- Сивилла, это революция! - воскликнул Жером, её стилист, когда впервые увидел эскизы.
- Ты создала что-то... неземное.

- Так и есть, - улыбнулась она, разглаживая ткань на манекене. - Потому что это вдохновлено не этим миром.

Предложения посыпались со всех сторон. Ведущие модные дома хотели устроить показы: в Венеции, среди каналов и дворцов эпохи Возрождения, где магия витает в самом воздухе; в Риме, под древними сводами, где стены помнят тайны веков; в Лондоне, в современном пространстве, контрастирующем с мистической эстетикой коллекции.

- Мы устроим тур, - сказал её менеджер, сверяясь с расписанием.

- Венеция, Рим, Лондон. Три города, три показа, три истории.

Сивилла кивнула, но в глубине души её терзало противоречивое чувство. Радость от творческого взлёта смешивалась с тихой грустью.

В ночь перед отъездом в Венецию она сидела на балконе, глядя на огни Парижа. В руках она держала чёрное пёрышко – единственное доказательство реальности той ночи.

«Самаэль, - мысленно позвала она. - Ты видишь это? Видишь, что ты со мной сделал? Я больше не та холодная кукла, которой была раньше. Я чувствую, я творю, я живу...»

Ветер шевельнул её волосы, донёс далёкий звон колоколов. И на мгновение ей показалось, что она слышит его голос... не ушами, а душой:

«Я горжусь тобой, моя звезда. И я рядом. Всегда рядом».

Она сжала пёрышко в ладони и улыбнулась. Да, впереди её ждал удивительный путь: три города, три показа, три триумфа. Но главное путешествие было внутри неё. И оно только начиналось.

Завтра она отправится в Венецию, где каналы будут отражать звёзды, а старинные стены станут свидетелями рождения новой Сивиллы – женщины, которая обрела душу и любовь. Женщины, которая больше не боится чувствовать.

И где-то среди этих городов, среди огней и звёзд, она найдёт его. Или он найдёт её.

Это было неизбежно, как восход солнца после самой тёмной ночи.

Глава 7. Слова древнего мудреца.

Перед отъездом в Венецию Сивилла не могла уехать, не заглянув в тот самый магазин в Le Marais. Чёрное пёрышко, спрятанное в нагрудном кармане, словно подталкивало её, напоминая, что ответы где-то рядом.

Узкая улочка встретила её привычной тишиной. Вывеска с надписью «Книги о забытых мирах. Карты иных измерений. Рукописи, которые не должны были уцелеть» по-прежнему висела над дверью, но теперь Сивилла видела в этих словах не просто рекламный трюк, а предупреждение.

Она толкнула дверь – колокольчик над ней звякнул, и в нос ударил знакомый запах старой бумаги, воска и чего-то ещё: терпкого, древнего, почти забытого. Старик за прилавком поднял глаза – его тёмные озера-зрачки будто заглянули ей в душу.

- Я знал, что ты вернёшься, - произнёс он без удивления. - И что ты придёшь с вопросами. Сивилла кивнула, сжимая пёрышко в кармане.

- Мне нужно знать больше. О Самаэле. О том, кто я на самом деле. И о том, что ждёт меня впереди.

Старик медленно поднялся, обошёл прилавок и жестом пригласил её вглубь магазина, в небольшую комнату, скрытую за стеллажами.

Комната напоминала кабинет алхимика: повсюду полки с фолиантами, свитками, стеклянными сосудами с порошками и жидкостями; на стенах – карты звёздного неба, схемы каких-то сложных механизмов, рисунки существ с крыльями и глазами, горящими во тьме. В центре стоял резной стол, на котором лежала та самая книга: «Хроники Сумеречных Врат».

- Сядь, - сказал старик. - Я расскажу тебе то, что ты должна знать, прежде чем отправишься в путь.

Он открыл книгу на закладке – странице с изображением полумесяца, пронзённого стрелой.

- Ты – Хранитель Порогов, - начал он. - Потомок древней линии тех, кто может открывать и закрывать двери между мирами. Твоя мать была одной из последних. Она запечатала твою память, чтобы защитить тебя от тех, кто охотится за этой силой.

- Кто они? - тихо спросила Сивилла.

- Стражи. Те, кто хочет открыть врата навсегда, чтобы их порядок поглотил все миры. Они ждали твоего пробуждения. И теперь, когда ты вспомнила хоть что-то, они уже идут по следу.

Сивилла почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Старик перевернул страницу. На новой иллюстрации был изображён крылатый мужчина, стоящий между двумя мирами – один сиял золотом, другой тонул во тьме.

- Самаэль – страж границ, - продолжил старик. - Половина его крови из твоего мира, половина – из мира теней. Он ждал тебя много веков. Но его долг – охранять врата, а твой – решать, когда и где их открывать.

- Значит, мы не можем быть вместе? - прошептала Сивилла.

- Вы уже вместе, - улыбнулся старик. - Ваша связь – не романтическая прихоть. Это договор, заключённый до вашего рождения. Вы – две половины одного целого. Но чтобы быть вместе полностью, вам нужно пройти испытание.

Он достал из ящика стола небольшой медальон – серебряный полумесяц с тёмным камнем в центре.

- Возьми. Это ключ. Он покажет тебе знаки на пути. В каждом городе, где ты будешь показывать свою коллекцию, ты найдёшь подсказку. Собери их все, и ты сможешь призвать Самаэля. Но будь осторожна: те, кто охотятся за силой Хранителя, тоже увидят эти знаки.

Сивилла взяла медальон. Металл был тёплым, почти живым. Камень внутри мерцал, как далёкая звезда.

- А что за испытание? - спросила она.

- Ты должна решить, что важнее: сила или любовь, - ответил старик. - Врата можно открыть только один раз – либо для спасения миров, либо для того, чтобы остаться с ним навсегда. Самаэль не может сделать выбор за тебя. Только ты.

Сивилла закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись образы: Самаэль, протягивающий ей руку на краю пропасти; её коллекция, мерцающая звёздным светом; Париж, Венеция, Рим – города, где ей предстоит найти ответы.

- И когда я должна буду выбрать? - её голос дрогнул.

- Когда соберёшь все знаки. Последний будет ждать тебя в Лондоне. Там, где туман скрывает истину, а мосты соединяют берега, как и ваша связь соединяет миры.

Старик встал и подошёл к окну.

- Помни: ты не одна. Самаэль рядом не только в воспоминаниях. Он идёт по твоему следу, как ты идёшь по его. Но чтобы встретиться вновь, вам обоим нужно пройти свой путь.

Сивилла вышла из магазина с медальоном на шее и новым знанием в сердце. Воздух Парижа казался гуще, насыщеннее. Она чувствовала магию вокруг: в шелесте листьев, в отблесках фонарей на мостовой, в шёпоте ветра.

Она подняла голову к небу. Звёзды сегодня светили особенно ярко, будто подмигивали ей, обещая тайны и чудеса.

«Я найду тебя, Самаэль, - мысленно пообещала она. - Где бы ты ни был. Я пройду этот путь. И сделаю выбор. Но сначала я покажу миру, что значит чувствовать».

Завтра она отправится в Венецию. Её коллекция откроет двери не только в мире моды, но и в мире магии. И каждый показ станет шагом к новой встрече.

К их встрече.

Глава 8. Венеция – город зеркал.

Самолёт плавно зашёл на посадку, и Сивилла прижалась лбом к иллюминатору. Внизу раскинулась Венеция, словно сказочный остров, окружённый водой: розовые и золотые фасады дворцов отразились в изумрудной глади лагуны, гондолы скользили между ними, как чёрные лебеди, а в воздухе уже издали чувствовался запах соли, древности и чего-то неуловимо волшебного.

«Она живая, - подумала Сивилла. - Этот город дышит, помнит, шепчет...»

В аэропорту она взяла такси до отеля. Водитель, говорливый венецианец, всю дорогу рассказывал о местных обычаях и достопримечательностях. Сивилла слушала вполуха, жадно впитывая виды за окном: каналы, мосты, старинные фасады, узкие улочки, где бельё сушилось прямо над головами прохожих.

Она сошла у набережной, с лёгким чемоданом, в котором лежали эскизы и несколько ключевых элементов новой коллекции. Первое, что она сделала – закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Ветер с лагуны пахнул ей в лицо, принёс запахи водорослей, краски старых фасадов и далёкого моря.

Сивилла решила не брать гондолу сразу, а пройти пешком и затеряться в узких улочках, почувствовать город кожей. Она шла наугад: мимо крошечных мостов над каналами, где вода отливала малахитом в тени домов; мимо маленьких площадей, где сушилось бельё и играли дети; мимо старинных церквей с мозаиками, мерцающими в полумраке.

В полдень она добралась до Piazza San Marco. Площадь сияла под солнцем, голуби взмывали в воздух при каждом шаге, а базилика Святого Марка возвышалась, как сказочный дворец: золотые мозаики, арки, украшенные византийскими узорами, колонны с резными капи-

телями. Сивилла остановилась, замороженная. Ей показалось, что камни сами рассказывают истории: о крестоносцах, купцах, художниках, о вековых тайнах, спрятанных в этих стенах.

Дальше был Palazzo Ducale, Дворец Дожей. Сивилла бродила по залам, где когда-то вершились судьбы Средиземноморья. Она коснулась мраморных колонн, разглядывала картины Тициана и Беллини, представляла себе шумные собрания, интриги, шёпоты за спиной. В зале Большого Совета она замерла перед гигантским полотном Веронезе. Небо на нём казалось таким реальным, что хотелось протянуть руку и коснуться облаков.

Потом она пересекла Rialto – старинный мост, когда-то бывший центром торговли. Здесь, среди лавок с масками, стеклом и сувенирами, Сивилла купила себе маленькую венецианскую маску – чёрную, с серебряной росписью. Примерила её перед зеркалом и улыбнулась своему отражению: в маске она выглядела загадочно, почти мистически, словно готова была шагнуть в другую эпоху.

Ближе к вечеру, уставшая, но счастливая, Сивилла присела на ступеньки у канала недалеко от Campo Santa Margherita. Она достала бутылку воды, посмотрела на закат. Небо над Венецией стало розовым и золотым, а вода в канале отражала его, как зеркало.

- Вы выглядите так, будто впервые увидели этот город, - раздался рядом голос.

Сивилла обернулась. Рядом стоял пожилой незнакомец в длинном плаще и берете. В руках он держал старинную книгу в кожаном переплёте. Его глаза были удивительно молодыми – яркими, живыми, полными какого-то внутреннего света.

- Так и есть, - улыбнулась Сивилла. - Хотя я читала о нём, видела фотографии... Но реальность – это совсем другое.

- Венеция – это город-зеркало, - сказал незнакомец, присаживаясь рядом. - Он отражает не то, что снаружи, а то, что внутри. Каждый видит в нём своё: кто-то видит красоту, кто-то видит печаль, кто-то видит тайну. А вы, мадемуазель, видите магию. Я это чувствую.

- Магия? - переспросила Сивилла, и её сердце забилось быстрее.

- Да. Легенда гласит, что Венеция построена на снах древних мореплавателей. Когда-то они приплыли сюда и увидели остров, который менялся каждую ночь: то становился дворцом, то лесом, то храмом. Они решили, что это знак - место, где граница между мирами тоньше всего. И основали город, чтобы хранить эту тайну.

- А что стало с теми мореплавателями? - затаив дыхание, спросила Сивилла.

- Они стали стражами. Их души до сих пор бродят по улицам, по каналам, по крышам. И если город решит, что вы достойны, он покажет вам то, что скрыто от других.

Незнакомец закрыл книгу, встал и поклонился.

- Спасибо за рассказ, - сказала Сивилла. - Вы сделали мой день волшебным.

- О, это только начало, - подмигнул он. - Венеция любит тех, кто умеет видеть.

Он развернулся и пошёл прочь, растворяясь в сумерках. Сивилла хотела окликнуть его, спросить имя, но не успела. Через мгновение он исчез за углом, словно его и не было.

Сивилла осталась сидеть, глядя на темнеющее небо. Вода в канале мерцала, как звёздная пыль, а огни фонарей отражались в ней, создавая иллюзию ещё одного города – подводного, зеркального.

«Он знал, - поняла она. - Он знал, что я ищу. Или это сам город говорит со мной?»

Она встала, поправила маску в кармане и пошла вдоль канала. В душе разливалась радость: глубокая, спокойная, почти детская. Венеция приняла её. И теперь каждый шаг по этим мостам, каждый взгляд на старинные фасады, каждый плеск воды под гондолой будет частью её пути; пути к новой встрече, к разгадке тайн, к Самаэлю.

Вернувшись в отель, Сивилла обнаружила на ресепшене конверт. Блестящая бумага, восковая печать с гербом, надпись каллиграфическим почерком:

«Достопочтенной Сивилле де Монфор.»

Имеем честь пригласить Вас на ежегодный Венецианский карнавал.

*Бал-маскарад состоится в Палаццо Пизани Моретта в следующую субботу.
Маска обязательна. Инкогнито гарантировано.»*

Её руки задрожали. Карнавал. Место, где все носят маски. Где можно встретить кого угодно, но не узнать, пока тот сам не пожелает открыться.

«Самаэль, - мысленно позвала она, сжимая приглашение. - Если ты здесь... если ты где-то рядом... может быть, именно там, под одной из этих масок, я наконец увижу тебя вновь».

Завтра начнутся приготовления к показу. Но сегодня она просто будет гулять, дышать этим воздухом, слушать шёпот веков и верить, что магия – не где-то далеко. Она здесь. Она рядом.

И, может быть, Самаэль тоже где-то здесь: в отблеске луны на воде, в тени арки, в шёпote ветра... или под маской на грядущем карнавале.

Глава 9. Отель «Золотой лев»

Отель «Золотой лев», где остановилась Сивилла, располагался в старинном палаццо на берегу Большого канала. Фасад здания, украшенный лепниной и мраморными статуями, отражался в воде, создавая иллюзию двойного великолепия.

Внутри царили шарм и элегантность: вестибюль с мозаичными полами и хрустальными люстрами, свисающими с расписного потолка; антикварная мебель XVIII века — резные кресла, инкрустированные столики, массивные шкафы с зеркальными дверцами; стены, увешанные подлинниками венецианских мастеров – мягкими пейзажами, портретами знатных дам в роскошных платьях; аромат лаванды и воска, смешивающийся с тонким запахом кофе, доносящимся из кафе.

Сивилла поселилась в люксе на втором этаже. Из окон открывался вид на канал, где скользили гондолы и водные такси. Комната была обставлена с изысканной роскошью: кровать с балдахином, туалетный столик с зеркалом в золочёной раме, мягкий ковёр с восточным орнаментом.

Дни Сивиллы были наполнены подготовкой к показу коллекции. В отдельном зале отеля развернулась творческая мастерская: манекены в разных стадиях готовности, одни уже облачены в финальные образы, другие ждут последних штрихов;

ткани разложены на столах: чёрный бархат, серебристый шифон, золотой атлас, полупрозрачный газ с вышивкой; портные и ассистенты снуют туда-сюда, подгоняя линии, закрепляя кристаллы, проверяя каждую деталь; эскизы развешаны на стенах, словно карта звёздного неба. Каждый элемент коллекции связан с её переживанием, с Самаэлем, с магией миров.

По вечерам, когда суeta стихала, Сивилла спускалась в гостиную с камином. Огонь потрескивал, отбрасывая тёплые отблески на стены, а за окном шумел ночной город.

Именно здесь, у камина с бокалом кьянти, она и познакомилась с Лучианой – молодой женщиной с внешностью ангела и глазами, полными древней печали.

Лучиана была блондинкой с волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в элегантную причёску. Её кожа отливала перламутром, а движения были плавными, почти невесомыми. Она носила платья в стиле ретро – с высокой талией, кружевами и шёлковыми лентами, и казалась гостьей из другой эпохи.

- Вы выглядите так, будто ищете что-то, - улыбнулась Лучиана, заметив задумчивый взгляд Сивиллы. — Или кого-то?

- Возможно, - призналась Сивилла. - Я жду встречи. Очень важной встречи.

Так началось их общение. Сивилла была счастлива! Впервые в жизни она нашла подругу. С детства она была одинока, окружена людьми, но лишена настоящего общения. А теперь рядом был кто-то, кто понимал без слов.

Однажды вечером, когда огонь в камине догорал, Лучиана заговорила о своём:

- Я тоже ждала встречи, - тихо сказала она. - С ним.

Она рассказала историю своей любви: как встретила его на балу – молодого художника с глазами цвета морской волны и руками, способными оживить холст; как они проводили дни в мастерской, где он писал её портреты, а она читала ему стихи; как гуляли по набережным Венеции, целовались под мостами, смеялись, как дети.

- Он был так талантлив, - её голос дрогнул. - И так красив. Но болезнь забрала его слишком рано.

Сивилла сжала её руку.

- Но это не конец, - прошептала Лучиана. - Потому что он не ушёл. Его душа до сих пор со мной.

Она рассказала, как чувствует его присутствие: видит его тень в углах комнаты; слышит его смех в шуме ветра; находит лепестки роз на подушке, его любимый жест; ощущает его поцелуй на щеке в самые тихие минуты.

- Сначала я думала, что схожу с ума, - призналась она. - Но потом поняла: это дар. Вечная любовь не заканчивается смертью. Она просто меняет форму.

Сивилла слушала, затаив дыхание. В её душе что-то отозвалось:

- Значит, любовь может быть вечной? Даже если любимый... не совсем здесь?

Лучиана улыбнулась, грустно и светло одновременно:

- Да. И если твой Самаэль действительно тот, кем кажется, вы встретитесь. Возможно, даже раньше, чем ты думаешь.

Ночью Сивилла долго не могла уснуть. Она смотрела на звёзды за окном и думала о словах Лучианы.

«Вечная любовь... - размышляла она. - Неужели и с Самаэлем так будет? Если он - страж границ, если его природа – быть мостом между мирами... Может быть, наша связь тоже сильнее смерти?»

Она коснулась медальона, который дал ей старик из магазина. Камень внутри слабо мерцал в темноте, словно отвечая на её мысли.

Завтра – генеральная репетиция показа. Послезавтра – сам показ. А через несколько дней – карнавал.

И где-то между этими событиями, она знает, произойдёт что-то важное. Что-то, что приблизит её к Самаэлю.

К их общей судьбе. К их вечной любви.

Глава 10. Звёздный час.

Накануне показа, коллекция Сивиллы, ещё вчера казавшаяся безупречной, вдруг начала вызывать сомнения. Всё шло не так: булавки падали из рук, оставляя крошечные царапины на коже манекенщиц; ткань, которая вчера ложилась идеальными складками, сегодня мялась и топорщилась; ассистентка случайно пролила кофе на самый сложный элемент коллекции – платье-трансформер с вышивкой в виде созвездий. Фотографии пробных образов получались тусклыми, лишёнными того магического сияния, что было в реальности.

Сивилла стояла посреди мастерской, глядя на хаос вокруг, и её охватывала тревога. «Это дурной знак, - думала она. - Что-то идёт не так. Самаэль... неужели я теряю связь с той силой, что вдохновила меня?»

Она легла спать измученная, с тяжёлым сердцем. И в эту ночь ей приснился сон.

Во сне она оказалась в светлой комнате, залитой лунным светом. У окна стояла женщина... её мать, которую Сивилла помнила лишь по старым фотографиям. Она была такой, какой запечатлена на последнем портрете: с мягкими чертами лица, тёмными волосами, уложенными в простую причёску, и глазами, полными бесконечной нежности.

- Мама... - прошептала Сивилла.

- Я всегда была рядом, - улыбнулась женщина. - Даже когда ты не чувствовала. Даже когда память была запечатана.

Она подошла ближе, коснулась лба Сивиллы лёгким, как пёрышко, прикосновением.

- Ты – Хранитель Порогов. Потомок тех, кто видит границы миров и умеет их открывать. Твоя коллекция – это не просто одежда. Это порталы. Каждое платье – ключ к иной реальности. Ты создала их из своей души, из своей любви, из своей веры.

- Но что, если они не поймут? Что, если это всё напрасно?

- Они поймут, - твёрдо сказала мать. - Потому что ты вложила в них правду. Истину твоего сердца. Покажи им звёзды, Сивилла. Покажи им магию.

Она наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

- Я горжусь тобой. Всегда гордилась. И я рядом. Всегда рядом.

Сивилла проснулась с сухими глазами, но с сердцем, полным силы. В груди разливалась уверенность: она готова.

День показа выдался солнечным, с лёгким морским бризом. ОТЕЛЬ преобразился: зал украсили гирляндами из белых роз и серебристых лент; вдоль стен поставили высокие вазы с чёрными лилиями и серебряными ветками; подиум оформили зеркальными панелями, отражающими свет так, что казалось, будто модели идут по звёздной тропе; в воздухе витал тонкий аромат лаванды и сандала.

Гости начали собираться задолго до начала. Светские обозреватели, редакторы модных журналов, звёзды кино и искусства. Все хотели увидеть новую коллекцию Сивиллы де Монфор.

Когда зазвучала музыка — неземная, похожая на шёпот звёзд, — в зале повисла тишина. Показ начался.

Первая модель вышла в платье из чёрного бархата, расшитого серебряными нитями. При каждом шаге ткань мерцала, словно ночное небо. За ней последовали другие образы: жакет с рукавами-крыльями, где каждый слой шифона переливался оттенками сумерек; юбка-пачка из полупрозрачного газа, усыпанная кристаллами, имитирующими звёздную пыль; корсет с вышивкой, повторяющей карту неведомых созвездий; плащ из серебристого атласа, который струился за моделью, как след кометы.

Каждый наряд был произведением искусства. Зрители затаили дыхание. Вспышки камер запечатлевали каждую деталь: игру света на ткани, мерцание вышивки, плавные линии силуэтов.

Аплодисменты становились всё громче. Когда Сивилла вышла в финале, в платье цвета расплавленного золота с серебряной вышивкой вдоль плеч, напоминающей размах крыльев, то зал взорвался овациями.

К ней бросились журналисты, фотографы, поклонники. Но среди толпы она увидела знакомое лицо.

Марк прилетел поддержать её. Он стоял у стены, улыбаясь, и в его глазах читалась искренняя гордость.

- Ты невероятна, - сказал он, обнимая её. - Это не просто коллекция. Это магия.

- Спасибо, что приехал, - Сивилла сжала его руку. - Я так рада тебя видеть.

Она познакомила его с Лучианой. Та улыбнулась Марку своей мягкой, загадочной улыбкой, и Сивилла заметила, как между ними пробежала искра.

- Вы должны рассказать Марку вашу историю, - предложила Сивилла. - Он обожает всё мистическое.

Лучиана посмотрела на Марка, и её глаза заблестели.

- С удовольствием, - ответила она. - У нас, кажется, много общего.

Вечеринка после показа прошла в саду отеля, где столы ломились от деликатесов, а официанты разносили шампанское в хрустальных бокалах.

Сивилла наблюдала издали, как Марк и Лучиана увлечённо беседуют у фонтана. Они смеялись, смотрели друг на друга с неподдельным интересом. Было ясно, что между ними зарождается что-то особенное.

Самаэль, где бы ты ни был... мысленно позвала она, поднимая бокал. - Спасибо за этот день. За поддержку. За то, что ты дал мне силы поверить в себя.

В этот момент она почувствовала знакомое тепло в груди, словно кто-то улыбнулся ей издали. И она знала: это не конец. Это только начало.

Её коллекция покорила Венецию. Её душа обрела покой. А впереди ждали Рим, Лондон и... новая встреча с Самаэлем.

Глава 11. Маска любви.

Подготовка к Венецианскому карнавалу стала для Сивиллы особым ритуалом. В номере отеля она раскладывает на кровати свои сокровища: маска из чёрного бархата с серебряной росписью, украшенная мелкими кристаллами, мерцающими, как звёзды; платье цвета полуночи – струящийся шёлк с вышивкой в виде созвездий, которая переливается при каждом движении; длинные перчатки до локтей – чёрный атлас с серебряной нитью; веер из страусовых перьев, обрамлённый серебряной каймой.

Лучиана помогает ей с причёской: укладывает локоны, оставляя несколько прядей свободно обрамлять лицо. Затем аккуратно надевает маску, закрепляя её тонкими лентами.

- Ты выглядишь как богиня ночи, - восхищённо шепчет Лучиана. - Самаэль не сможет отвести от тебя глаз.

Сивилла улыбается, но в груди трепещет волнение. Сегодня она либо увидит его, либо... Нет, она не позволит себе думать о другом исходе.

Палаццо Пизани Моретта сияет огнями. Фасад украшен гирляндами разноцветных фонариков, а у входа гостей встречают стражи в костюмах арлекинов.

Внутри дворец превратился в сказочный мир: зал украшен зеркалами в золочёных рамах, они множат огни свечей и фигуры гостей, создавая иллюзию бесконечности; с потолка свисают шёлковые ленты и гирлянды из белых роз; музыканты в масках играют волшебную музыку – не то барокко, не то что-то вневременное, космическое; гости кружатся в танце – пёстрые маски, роскошные костюмы, вспышки фотоаппаратов.

Сивилла и Лучиана входят в зал, и сразу оказываются в водовороте праздника. Вокруг них – арлекины и венецианские дамы, шуты и кардиналы, феи и демоны. Все скрывают лица за масками, но глаза выдают эмоции: восторг, тайну, страсть.

Они пробираются сквозь толпу, смеются, обмениваются приветствиями с знакомыми. Сивилла внимательно вглядывается в каждую маску, ищет... ищет...

И находит.

Среди вихря танцующих он стоит у колонны. Высокий, в чёрном плаще с капюшоном, в маске ворона с серебряными перьями. Их взгляды встречаются... и время замирает.

Она узнаёт его глаза. Они пылают огнём и страстью, пронизывают её насквозь, словно знают каждую мысль, каждое биение сердца.

Самаэль делает шаг вперёд, берёт её за руку, прикосновение обжигает даже сквозь перчатку. Он наклоняется к ней, и в следующее мгновение его губы находят её губы в страстном, почти отчаянном поцелуе.

Мир вокруг перестаёт существовать. Есть только он, его тепло, его дыхание, его сила, которая пронизывает её до самых глубин души.

Но толпа танцующих, кружащихся в вихре карнавального веселья, внезапно смыкается между ними. Когда Сивилла вырывается из этого водоворота, Самаэля уже нет. Только эхо его присутствия витает в воздухе – аромат сандала и чего-то древнего, нездешнего.

Сивилла оглядывается по сторонам, ищет его взглядом среди масок, но тщетно. Вместо этого её взгляд цепляется за что-то на мраморном полу у колонны, где он стоял.

Она наклоняется и поднимает небольшой предмет: серебряный медальон в форме полумесяца с тёмным камнем в центре. Точно такой же, как тот, что дал ей парижский старик. Но этот другой. На внутренней стороне крышки выгравирована руна, которую она видела в «Хрониках Сумеречных Врат».

«Первый знак, - понимает она. - Я нашла первый знак».

Позже, на балконе палаццо, Сивилла делится с Лучианой пережитым.

- Он был здесь, - шепчет она, сжимая медальон в ладони. - Я почувствовала его. Его губы... его глаза... Они горели так ярко, как звёзды в ту ночь.

Лучиана улыбается, и в её глазах отражается понимание.

- Любовь не знает границ, - тихо говорит она. - Ни времени, ни пространства, ни масок. Если он нашёл тебя здесь, значит, ваша связь сильнее всего.

- И я должна собрать все знаки, - продолжает Сивилла. - В Риме, в Лондоне... Каждый город даст мне подсказку. А когда я соберу их все, я смогу призвать его навсегда.

Они смотрят на ночное небо над Венецией. Звёзды сияют особенно ярко, словно подмигивают им, обещая новые встречи, новые тайны, новые чудеса.

Карнавал продолжается внизу: музыка, смех, танцы. Но для Сивиллы этот вечер стал чем-то большим. Она не просто гостья праздника. Она – часть его магии. И она знает: Самаэль вернётся. Он всегда возвращается.

А пока... пока она будет идти по пути знаков, по дороге любви, которая ведёт её к нему.

Глава 12. Тень утраты.

Сивилла проснулась среди ночи в холодном поту. Сон был тёмным, вязким, как смола: она бежала по бесконечным коридорам, а за ней гналась тень с горящими глазами. Она хотела закричать, но голос пропал. Проснувшись, она долго лежала, глядя в темноту, и чувствовала: что-то случилось. Что-то непоправимое.

Утром пришло известие. Отец. Внезапная остановка сердца.

Париж встретил её серым небом и морозящим дождём. Город, который ещё недавно казался волшебным, теперь выглядел мрачным и чужим. Сивилла вернулась в свой дом – огромный особняк в где каждый уголок напоминал об отце. Здесь она выросла без матери, и отец был её единственной опорой, единственным человеком, который любил её безоговорочно.

Она начала сомневаться во всём. Самаэль... Он принёс в её жизнь магию, страсть, вдохновение. Но какой ценой? Может быть, он не ангел, а демон, искушающий её обещаниями вечности? Почему он не рядом сейчас, когда ей так нужна поддержка?

«Если он любит меня, - думала она, стоя у окна, то почему не пришёл? Почему не почувствовал, что я теряю самое дорогое?»

В душе разрасталась пустота. Такая же, как в детстве, когда она чувствовала себя одинокой и ненужной. Она снова превращалась в холодную куклу, безупречную снаружи, но пустую внутри.

Похороны прошли в старинной церкви на Монмартре. Атмосфера была готически красивой и мистической: высокие своды, украшенные фресками с ангелами и святыми; витражи, пропускающие тусклый серый свет, окрашивающий пространство в фиолетовые и синие тона; свечи, мерцающие в полумраке, отбрасывающие дрожащие тени на каменные стены; запах ладана, смешивающийся с ароматом белых лилий и роз.

Сивилла была в траурном наряде от Chanel: длинное платье из чёрного крепа с кружевными рукавами, длинная вуаль, перчатки до локтей. Её волосы были убраны, а на шее – старинное жемчужное кольцо, принадлежавшее её бабушке.

Рядом стояли Марк и Лучиана. Марк держал её за руку, молча поддерживая. Лучиана, в элегантном чёрном костюме и шляпе с вуалью, смотрела на неё с пониманием и состраданием.

Среди гостей были: влиятельные бизнесмены, партнёры отца; светские львицы, чьи лица выражали притворную скорбь; художники и дизайнеры, которых отец поддерживал при жизни; представители аристократических семей Парижа.

Церемония прощания была торжественной и чистой. Священник произнёс слова утешения, хор запел Ave Maria, и Сивилла почувствовала, как слёзы обжигают глаза. Она прощалась не только с отцом. Она прощалась с детством, с ощущением защищённости, с верой в то, что кто-то всегда будет рядом.

После службы все отправились на кладбище Пер-Лашез. Могила отца находилась рядом с фамильным склепом. Когда землю начали засыпать, Сивилла сжала в кармане медальон – тот самый, что дал ей старик в Париже. Камень внутри был холодным, безжизненным.

На следующий день Сивилла шла по улицам Парижа одна. Траурный наряд был роскошен: пальто из чёрного бархата с меховой отделкой, шляпка с вуалью, туфли на высоком каблуке. Но она чувствовала себя призраком в этом городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.